

Агонизирующая боль давно исчезла, оставив после себя огромную усталость, будто каждая клеточка её тела была разорвана на части и теперь была снова собрана вместе. Она чувствовала степень усталости, о существовании которой и не ведала. За поверхностью её костей и в глубочайших частях её костного мозга, она ощущала утомлённость. Искры упёртости в её разуме отказывались позволять ей впасть в бессознательность, и пусть это было самой трудной вещью, которую она когда-либо делала, она силой держала свои глаза открытыми. Она всё ещё лежала в каменном бассейне, твёрдый камень никак не сгибался под нею. Над нею медленно угасал тусклый свет зачарованного камня, погружая окружение в полумрак. Моррелия сильно поморщилась и размяла свои руки. Её тело кричало ей не двигаться, каждый мускул ныл об этом, однако она не слушала.

С последовательными движениями инвалида она выпрямилась и опёрла свой вес о стену. Под неё стекали последние капли сконцентрированной маны, падая вниз, несомненно для того, чтобы быть переработанными и снова используемыми для попыток следующего кадета этим адским процессом. Она глубоко вздохнула и медленно развернулась, её босые ноги шаркали по камню. Когда она наконец сумела расположить свои ноги и потратить мгновение, чтобы крепко встать, она подняла взгляд, обнаружив смотрящего на неё отца, редкое проявление эмоций показывалось на его лице. Гордость лучилась из глаз, но также и великая печаль, и она знала, что в этот момент он заново горюет по своему сыну.

"Поздравляю, Легионер," голос Титуса был хриплым и уставшим, как и у неё, Моррелия могла поклясться, что видела в его глазах влагу.

Моррелия едва могла найти сил, чтобы улыбнуться, однако она сделала это.

"Спасибо, командир," ответила она.

Она не помнила, что было далее. Позднее Титус рассказал ей, что она потеряла сознание прямо на месте, ему пришлось прыгнуть вперёд, чтобы помешать удариться её упрямой головой о камень. Очнувшись, она оказалась в маленькой комнате, на твёрдой кровати. Осмотрев комнату, она осознала, что мебель была простой и грубой. Кровать была достаточно большой, но твёрдой, неподатливой, а стены были без украшений и голыми, кроме одной вещи. На простом стальном крюку висела чёрная кожаная униформа полноценного Легионера и в тот момент, как она её увидела, она расплакалась. Взяв себя в руки и надев её, она покинула комнату, чтобы обнаружить облокотившегося о стену в коридоре отца.

"Пошли со мной," сказал он.

Они вдвоём в тишине прошли по крепости, не желая нарушать товарищеское молчание, наступившее между ними. Жизни их обоих изменились в тот момент, как она открыла глаза. Моррелии было тяжело осознать, что она достигла мечты, имеющейся у неё с детства, мечты, которую она делила с братом. Она не была уверена, что должна чувствовать, или сказать. Её отец также не доверял себе, чтобы говорить. Его грудь была переполнена эмоциями и он боялся, что если откроет свой рот, то больше не сможет сдерживать их, так что продолжал молчать.

Они шли по запутанным коридорам, проходили мимо стоящих молча, несущих свой долг и усердно трудившихся над исполнением тысяч дел, требуемых крепости для поддержания своей работы солдат, пока наконец не пришли к исчерченной стене, заполненной надписями. Она бросила растерянный взгляд на своего отца, а он опустил челюсть к своей широкой груди, прикрыв глаза.

"Иди поговори со своим братом," наказал он.

Моррелия ощутила, как её сердце забилося быстрее от этой команды, и обернулась обратно к стене, укрытой аккуратными рядами имён. Она подошла ближе, проходя глазами по списку, ища то, что было знакомо. Чем ближе она оказывалась к концу, тем больше имён она начала узнавать. Старшие, которые уходили в походы, когда она ещё была кадетом, некоторые были даже на год впереди неё. Наконец она нашла то, что искала. Романус Мариус. Она подняла одну руку и позволила своим мозолистым пальцам пройти по бороздам, создающим имя её брата. Даже сейчас, спустя годы, у неё было чувство, будто она никогда не могла забыть его лицо, его голос. Он был таким притягательным, способным заставить всех воспрянуть духом и начать желать быть лучшей версией самих себя. Он был таким харизматичным, очаровательным, был тем, за кем хотели следовать люди, всем тем, кем не была она. Она ненавидела его за это, пусть даже и восхищалась им. А он же просто смеялся над ней.

"Морр, не глупи," говорил он с улыбкой, "ты разве не думаешь, что есть то, что ты можешь сделать лучше меня?"

Она помнила, как непонимающе посмотрела на него. Романус был идеален! Что такого она могла делать лучше его?! Он должно быть прочитал выражение её лица, потому что покачал головой, сделал шаг вперёд и положил руку на её голову. "Поверь мне, Морр. Ко времени, как ты закончишь, я буду смотреть тебе вслед."

Потерявшись в своих воспоминаниях, она не услышала, как позади неё приблизился отец, его поступь была медленной и тяжёлой.

"Эта стена," объяснял он, "несёт имена всех тех кадетов, что не пережили посвящение."

От этого Моррелию переполнили шок и негодование, а её голова резко дёрнулась, чтобы посмотреть на отца. Титус встретил её взгляд и медленно покачал головой. Конечно же он бы ей не солгал.

"Никто не мог в это поверить. Он блестяще проходил каждое испытание, каждый тест, каждое измерение. Он был настолько далеко от минимального уровня, что ему было практически предначертано преуспеть. Твоя мать была разбита, я был потерян. Мы просто не могли представить, что это произойдёт с ним."

Моррелия по прежнему отказывалась верить в это.

"Это невозможно! Как у меня вышло то, в чём он претерпел неудачу? Ты никак не можешь это объяснить?!"

В глазах Титуса была печаль, когда он смотрел на свою дочь. Он поднял руки и обнял её, чего не делал столько лет. "Я не знаю, почему он не сумел. Просто не знаю. Хотел бы, чтобы у меня было объяснение, однако даже сейчас у меня нет слов. Неважно, как сильно я искал, я не нашёл ничего, что бы объяснило произошедшее. Однако это то, что тебе нужно понять, и то, что много раз пытался тебе сказать Романус. Он верил в это, и я также всегда в это верил. Ты будешь сильнее его. Однажды, ты будешь сильнее меня."

Несмотря на слова своего отца, Моррелия отказывалась в это верить, однако её голос был украден, так что она не могла ничего ответить. Вместо этого она попыталась переварить правду, которую так долго старалась найти. Несмотря на наконец полученные желанные ею ответы, всё, с чем она осталась, это горечь, и решительность.

Два дня спустя Легион приготовился пройти через врата. Они войдут в главный штаб Легиона, находящийся глубоко под землёй, являющийся неприступной крепостью, построенной во время Катаклизма тысячи лет назад.

Группа VK (информация о переводах, обратная связь и прочее): <https://vk.com/yrbotria>

<http://tl.rulate.ru/book/26490/1189467>